

Z. Saloni (red.)
Metody formalne
w opisie języków słowiańskich
Białystok 1990

Владимир Александрович ПЛУНГЯН,
Екатерина Владимировна РАХИЛИНА

Москва

Сирконстанты в толковании?

Юрию Дерениковичу Апресяну к шестидесятилетию

Понятия актант и сирконстант разделяют судьбу многих фундаментальных лингвистических понятий: они не имеют эффективного определения (то есть такого определения, которое позволяло бы в каждом конкретном случае однозначно решать вопрос о принадлежности произвольного объекта к классу актантов или сирконстантов). Существует, однако, некоторое общепринятое представление о том, что можно считать актантами и сирконстантами. Это представление сводится к следующему. В каждом конкретном случае своего употребления в тексте предикат описывает некоторую конкретную ситуацию, отличающуюся от всех других ситуаций. Однако у всех таких конкретных ситуаций, описываемых одной и той же предикатной лексемой, есть нечто общее: прежде всего, в каждой из этих ситуаций обязательно имеются участники с определенными свойствами. В каких-то случаях могут присутствовать и другие участники, но представить себе ситуацию, называемую данной лексемой, без этих обязательных участников нельзя: если их состав будет изменен, то нам потребуется другая лексема для обозначения получившейся ситуации. Таким образом, существуют участники ситуации, непосредственно определяющие ее лексикографическую специфику; эти участники и называются актантами. Без учета всех актантов невозможно адекватное толкование предикатной лексемы. С другой стороны, всякая переменная, включенная в толкование предикатной лексемы, является ее актантом.

В отличие от актантов, сирконстанты не являются обязательными участниками ситуации, описываемой предикатом; присутствие или отсутствие сирконстанта никак не сказывается на лексикографической специфике предиката. Тем самым, предполагается, что сирконстанты практически не связаны с семантикой предикатов; следовательно, число и характер сирконстантов при предикате, вообще говоря, никак не фиксированы (одним из результатов этого, между прочим, является возможность дублирования сирконстантов с одной и той же ролью, что, по-видимому, запрещено для актантов).

Из изложенного выше представления естественным образом следует, что число и характер актантов конкретной предикатной лексемы определяется ее семантикой, тогда как число и характер сирконстантов конкретного предиката не зависят от его индивидуальных свойств.

Однако более детальный анализ материала заставляет усомниться в справедливости подобного представления и пересмотреть его в ряде существенных аспектов.

Действительно, рассмотрим отношения между актантами и сирконстантами подробнее.

1. Если на поверхностно-синтаксическом уровне представления актанты и сирконстанты не различаются (в том смысле, что являются одинаково синтаксически подчиненными некоторому предикату), то при переходе к семантическому уровню представления между ними возникает принципиальное различие: актанты и на семантическом уровне по-прежнему остаются подчиненными исходному предикату (соответственно, каким-то более элементарным узлам в его составе), тогда как сирконстанты утрачивают зависимость от исходного предиката и переходят в подчинение другого предиката, который возникает на семантическом уровне как носитель семантики сирконстантного отношения (таков, например, предикат 'быть местом' для локативных сирконстантов) и всегда имеет по крайней мере две валентности. Одну его валентность заполняет сирконстант исходного предиката, а другую — сам этот исходный предикат¹. Так, предложению

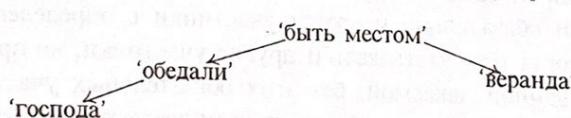
(1) *Господа обедали на веранде.*

сопоставляется поверхностно-синтаксическая структура типа:

(2) *господа* — *обедали* — [на *веранде*]

где как актант (*господа*), так и сирконстант (*на веранде*) синтаксически подчинены предикату *обедали* (хотя при этом связаны с ним разными поверхностно-синтаксическими отношениями). При переходе к семантическому представлению картина меняется:

(3)

(Для простоты мы обозначаем семантический коррелят каждой лексемы в виде самой этой лексемы, тогда как в действительности ей, разумеется, должен соответствовать некоторый семантический граф. Для нас в данном случае существенно лишь то, что сирконстант перестает подчиняться своему предикату). В (3) семантика сирконстантного отношения передана особому предикату, который выводит бывший сирконстант из подчинения предиката *обедать*, как это имело место в (2).

Отдельной проблемой, разумеется, является то, какой именно вид должен в каждом случае иметь предикат, передающий семантику сирконстантного отношения: трудностей здесь гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Показательно в этом плане

¹ Последнее утверждение в действительности является некоторым упрощением, так как на семантическом уровне исходный предикат уже не является элементарным; подробнее об этом см. ниже.

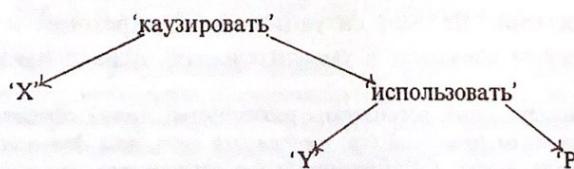
соотношение двух комитативных сирконстантов — неодушевленных существительных, вводимых предлогами *с* и *без*. Хотя в исследованиях по синтаксическому анализу их естественно рассматривать как один тип (ср. Мельчук 1974, с. 281–282), между семантикой соответствующих сирконстантных предикатов имеются нетривиальные различия. Прежде всего, обращает на себя внимание семантическая и синтаксическая несимметричность *с*- и *без*-сирконстантов. Так, допустимы являются сочетания (4а) *уйти без портфеля*; (5а) *пилить без пилы*; (6а) *уйти без завтрака* (= ‘не позавтракав’); (7а) *ходить без шляпы*; однако, если (4б) *уйти с портфелем* вполне возможно, то вместо (5б) **пилить с пилой* требуется правильное (5в) *пилить пилой*, а (6б) **уйти с завтраком* (в смысле ‘позавтракав’) вообще недопустимо. Что касается (7б) *ходить со шляпой*, то оно соотносится с (7а) не так, как, например, (4б) с (4а): правильную пару составляет (7в) *ходить в шляпе*.

Анализ этих — и подобных им — примеров позволяет зафиксировать по крайней мере следующие различия между *с* и *без*: 1) *без* может вводить как актанты, являющиеся (необходимыми) инструментами совершения действия, так и сирконстанты — случайные атрибуты действия, в то время как *с* не может вводить необходимые инструменты совершения действия (ср. примеры 5а–5б); 2) сочетаемостные возможности *без* в целом более свободные, чем у *с*, поэтому на семантическом уровне *без* следует сопоставить некоторый абстрактный предикат типа ‘не иметь’; что касается *с*, то значение соответствующего предиката представляется более узким, более «конкретным» — нечто вроде ‘быть в постоянном контакте’, а в наиболее обычных контекстах (без специального уточнения) соответствующее сирконстантное отношение передается, по-видимому, просто предикатом ‘держать’ (ср. примеры 7а–7в).

2. Выше мы говорили, что глубинный предикат, выражающий сирконстантное отношение, подчиняет себе предикат — поверхностно-синтаксический «хозяин» сирконстанта. Однако характер этого отношения также нуждается в специальном исследовании и также ставит перед исследователем весьма нетривиальные задачи. Прежде всего, оказывается, что сфера действия этого глубинного предиката различается в зависимости от семантики сирконстантного отношения, и далеко не всегда в его сферу действия попадает весь зависимый предикат целиком; часто сирконстантный предикат воздействует на определенный фрагмент семантического представления (ср. Богуславский 1988).

Рассмотрим, например, русский бенефактивный сирконстант, вводимый предлогом *для* (ср. *Отец строит дом для сына*). Несколько упрощая суть дела, можно принять, что этому сирконстанту в семантическом представлении соответствует предикат ‘предоставлять’ (= ‘каузировать использовать’). Однако было бы неверно считать, что конструкции *X сделал P для Y-а* на семантическом уровне соответствует нечто вроде следующего:

(8)

В действительности, в сфере действия предиката 'использовать' находится не весь предикат P , а тот его фрагмент, который описывает результат P , так как, в соответствии с семантикой сирконстантного отношения, Y использует не ситуацию P в целом, а лишь ее результат (ср. в этой связи примечание 1). Отсюда следует, что далеко не все глаголы могут сочетаться с бенефактивным сирконстантом этого типа, а лишь результативные глаголы (то есть те, которые имеют естественный, или лексикографически детерминированный, результат — ср. Плунгян 1989), причем только обозначающие контролируемые ситуации, ср. неправильность сочетаний типа *замерз для него (предикат результативный, но неконтролируемый), *размышилял для него (предикат контролируемый, но нерезультативный) и т. п.².

Существование сирконстантов с нетривиальной сферой действия (каковым является, в частности, и сирконстант, вводимый предлогом *для*) означает, что необходимы специальные правила, ответственные за сочетаемость данного глагола с данным сирконстантом, причем правила эти по сути своей являются словарными (ср. в случае с *для* использование информации о наличии/отсутствии в значении предиката компонента 'результат'). Более того, если допустимость сирконстанта *с для* определяется на основании сравнительно простых и достаточно естественных характеристик предикатной лексемы, используемых и для решения многих других задач, то допустимость некоторых других сирконстантов опирается на гораздо более сложные, более «индивидуальные» признаки, имеющие уже совершенно неоспоримый словарный характер.

К числу таких сирконстантов относится неодушевленный комитатив с предлогом *с*, упоминавшийся выше. Одно из основных требований, которые этот сирконстант предъявляет предикатам, состоит в том, что он может сочетаться только с предикатами, описывающими ситуации особого типа — можно условно назвать их «конкретными». «Конкретная» ситуация имеет место в течение некоторого непрерывного (но ограниченного) промежутка времени, причем для каждого момента, принадлежащего этому промежутку времени, должно быть известно (то есть лексикографически детерминировано), что именно в нем происходит. Иными словами, если «конкретная» ситуация допускает разбиение на фазы, то каждой из этих фаз, на основе толкования соответствующего предиката, может быть сопоставлено точное описание (ср., например, предикаты *бежать*, *резать* и мн. др.). Требованию «конкретности», однако, удовлетворяют далеко не все ситуации: ср., например, ситуации, описываемые предикатами *портить* или *мстить*: *портить* означает нечто вроде 'каузировать ущерб', однако непосредственно из толкования *портить*, вообще говоря, нельзя сделать никаких заключений о способе достижения результата; таким образом, ситуация порчи заведомо будет содержать лексически недетерминированные фазы. Точно так же, в толкование *мстить* не входит никаких указаний относительно способа осуществления мести; более того, соответствующая ситуация не обязательно соотносится с непрерывным промежутком времени. Деление ситуаций на «конкретные» и «неконкретные» может показаться слишком сложным и умозрительным, однако именно этот

² Несколько глаголов, в силу индивидуальных лексических особенностей, могут образовывать сочетания *с для*, не допускаемые данным правилом (ср. *терпел для него*, *жил для него* и т. п.); разбор этих случаев не входит в нашу задачу. Об индивидуальных отклонениях при сочетаемости с сирконстантами ср. также ниже.

признак определяет возможность употребления комитативного сирконстанта с предлогом *с* (ср. *бежал с факелом [в руках]*, *резал с кувшином [на голове]*, но **испортил с кувшином [на голове]*, **мстил с портфелем [в руке]* и т. п.). Никакой другой, более простой признак, с нашей точки зрения, в этом случае использован быть не может.

3. Приведенные примеры дают хорошее представление о возможной степени лексикализации правил употребления сирконстантов. Очевидно, что существование правил такой степени сложности несовместимо с представлением о сирконстантах как об однородной в целом массе языковых единиц, которые подчиняются простым общим правилам и присоединяются практически ко всем глаголам, с немногими очевидными исключениями (ср. Паневова 1978).

Тем более не соответствующим действительности оказывается представление о том, что к произвольному предикату может присоединяться сколь угодно большое число любых сирконстантов: ведь у каждого сирконстанта существуют свои индивидуальные ограничения, и предикат, допускающий сирконстанты одного типа, скорее всего, не будет допускать сирконстанты других типов.

Замечание. В связи со всем сказанным, представляется уместным рассмотреть вопрос о возможности дублирования сирконстантов. Дублирование (синтаксическое соподчинение предикату двух сирконстантов с одинаковыми ролями) считается одной из основных формальных характеристик, противопоставляющих сирконстанты актантам (ср. Паневова 1978). При этом дублирование обычно иллюстрируется только локативными и темпоральными сирконстантами³, то есть предложениями типа:

- (9) *Он придет в понедельник в 7 часов.*
(10) *Они сфотографировались на Арбате у ресторана «Прага».*

Такое ограничение материала вполне понятно, поскольку простое наблюдение показывает, что ни для каких других семантических типов сирконстантов дублирование невозможно, ср. недопустимость **строил дом для брата для отца*, **пришел с портфелем с цветами* и мн. др. Однако содержат ли в действительности примеры типа (9)–(10) дублирование сирконстантов? По-видимому, чистыми случаями дублирования не являются и они. Дело в том, что на поверхностном уровне бессоюзное употребление нескольких локативных или темпоральных синтаксических групп мы наблюдаем только в одном, строго определенном случае — если сирконстанты, входящие в эти группы, связаны специальными семантическими отношениями, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как отношения включений (одного временного отрезка в другой, одной локализации в другую). Если такого отношения нет, то и дублирование становится столь же невозможным, как и в других случаях, ср. **пришел в 8, в 8*¹⁵. Тем самым, в примерах

³ Пример другого рода, который приводит Я. Паневова — *писал карандашом левой рукой*, с нашей точки зрения, не содержит дублирования сирконстантов по двум причинам: во-первых, *карандаш* и *рука* выступают при *писать* в разных ролях; во-вторых, по крайней мере имя *рука* следует считать актантом глагола *писать*, реализующим в данном случае особый тип субъектной валентности — «рабочую часть субъекта» по Ю. Д. Апресяну (см. Апресян 1974, с. 128–129; см. там же о различии между средством, инструментом и субъектом).

типа (9)–(10) естественно признавать не дублирование сирконстантов, а особый предикат (\approx ‘включать’), связывающий в семантическом представлении две локативные или темпоральные группы; вместо параллельного соподчинения одному предикату (ср. 9а) имеет место последовательное подчинение (ср. 9б):

(9а) придет $\xrightarrow{\quad}$ [в понедельник]
 \searrow
 [в семь часов]

(9б) придет \longrightarrow [в понедельник] \longrightarrow [в семь часов]

Заметим, что такого рода структуры вполне возможны и для актантов, ср.:

(11) *Он жил в Москве на Арбате.*

4. Сложность правил, регулирующих сочетаемость предикатов с сирконстантами, их лексикализованность проявляется и в следующем аспекте. Семантика конструкций «предикат + сирконстант» при фиксированном сирконстанте может меняться в зависимости от семантических особенностей определенных групп предикатов. Так, например, особое значение имеют бенефактивные сирконстанты с предлогом *для* в сочетании с группой глаголов каузации приобретения (*дать*, *передать* и др.). Напомним, что *X сделал P для Y-а* означает, в общем случае, ‘X каузировал Y-а использовать результат P’. Глаголу каузации приобретения *P(X, Z, W)* соответствует схема толкования ‘X каузировал Z-а иметь W’; его результатом, таким образом, является ситуация ‘Z имеет W’. Сочетания типа *X дал Z-у W для Y-а* должны означать \approx ‘X каузировал Y-а использовать то, что Z имеет W’; в действительности же их значение несколько более идиоматично, так как они обозначают лишь строго определенную ситуацию — смену временного посессора *W* (каковым оказывается актант *Z*) на окончательного посессора *W* (каковым оказывается сирконстант *Y*). Так, *X передал Z-у деньги для Y-а* означает, что *X каузировал Z-а стать временным владельцем денег с той целью, чтобы Z каузировал Y-а стать постоянным владельцем этих денег*. Указанная идиоматизация сочетаний с бенефактивными сирконстантами фактически является словарной информацией и подлежит описанию в словарных статьях соответствующих предикатов. Интересно, что данный семантический эффект наблюдается не у всех глаголов каузации приобретения; ряд глаголов этой группы, описывающие ситуации приобретения в постоянное владение, не могут сочетаться с бенефактивным сирконстантом, ср. недопустимость конструкций типа **завещать W Z-у для Y-а*; **пожертвовать W Z-у для Y-а*; **вернуть W* (например, *деньги*) *Z-у для Y-а* и др. Этот запрет естественен — ведь в конструкциях типа *дать W Z-у для Y-а* *Z* должен осмысляться как временный посессор, а такое осмысление запрещено семантикой глаголов типа *завещать*. Словарный характер подобной информации также очевиден.

Таким образом, оказывается, что сфера влияния предиката распространяется не только на обязательных участников ситуации, описываемой им, но и вообще на любых участников этой ситуации; любые участники ситуации испытывают, так сказать, давление лексикографической индивидуальности соответствующего предиката. Более того, в некоторых недавних работах показано, что подобная «экспансия» предиката может даже выходить за пределы собственно участников ситуации: так, семантика предиката весьма

существенно влияет на способ оформления посессоров у актантов ситуации (ср. Рахилина 1982; Лазурский 1988).

5. Рассмотрим теперь более подробно некоторые проблемы, возникающие в связи с делением участников ситуации на обязательные и необязательные.

Как уже говорилось в начале работы, обязательными признаются те аргументы предиката, которые оказываются участниками любой из ситуаций, могущих быть описанными данной предикатной лексемой в тексте. Так, какая бы ситуация ни обозначалась словом *рубить*, в ней всегда будет присутствовать инструмент (даже если он поверхностно не выражен).

Но с этой, строго семантической точки зрения, необходимо ряд традиционных сирконстантов также считать актантами. Прежде всего, мы имеем в виду время и место ситуации. Действительно, если некоторая ситуация вообще локализуется во времени и пространстве, то всякий раз, когда эта ситуация имеет место, она происходит в определенном месте и в определенное время. Этот факт, между прочим, частично отражается и в лексикографической практике последних лет. Так, когда в исследованиях по аспектологии стали появляться развернутые толкования глаголов, в них обязательно присутствовали переменные, обозначающие время (ср. Гловинская 1982; Падучева 1986); характерно, что, например, Е. В. Падучева практически приходит к выводу о необходимости ввести временньюю переменную даже в толкование таких глаголов, как *сохнуть* (Падучева 1986: 419): толкованию подлежит не просто форма *X сохнет*, а (что, с нашей точки зрения, совершенно справедливо) форма *X сохнет в момент tm*. То же, по-видимому, можно сказать и о пространственной характеристике ситуации, тем более, что далеко не всякая ситуация может быть представлена как локализуемая в пространстве, и список глаголов, допускающих локативные «сирконстанты», не столь обширен, как может показаться.

Таким образом, признак семантической обязательности, при его последовательном применении, может расширить границы класса актантов по сравнению с общепринятыми. С другой стороны, является ли именно семантическая обязательность необходимым условием для включения семантической переменной в толкование предиката? По-видимому, это во многих случаях не так. Рассмотрим, например, проблемы, связанные с описанием двух небольших групп глаголов движения: (1) *уйти, унести, увезти* (и нек. др.) и (2) *прийти, привести, привезти* (и нек. др.). Для адекватного анализа семантико-сintаксических свойств этих глаголов необходимо учитывать переменные конечного пункта движения для группы (1) и исходного пункта движения для группы (2): если описание движения производится с помощью лексемы *уйти*, то это описание допускает в некоторых случаях указание на конечный пункт движения: ср. *ушли из городов в тайгу, ушел домой* и т. п.; аналогично, при глаголах типа *прийти* возможно (но не обязательно) указание на исходный пункт движения, ср.: *пришел из далекой страны, пришел к нам прямо из дома* и т. п. До статуса актанта эта переменная в силу своей синтаксической и семантической необязательности как бы «не дотягивает», однако считать ее сирконстантной также не очень естественно, поскольку она возможна лишь при достаточно ограниченном числе глаголов.

С другой стороны, картину осложняет существование глаголов, описывающих такой тип движения, для которого указание на конечный (соответственно, исходный) пункт движения принципиально невозможно (ср. *отдалиться*, *подойти* и нек. др.). В толковании этих глаголов соответствующие переменные, естественно, отсутствуют, и на поверхностном уровне выражены быть не могут (ср.**он стремительно отдался домой*, **он подошел к трибуне из бокового входа* и т. п.).

Таким образом, если мы, не признав переменные конечного/исходного пункта актантами глаголов группы (1) и (2), не включим их в толкование этих глаголов, то мы не сможем различить их и глаголы типа *подойти*, у которых данные переменные вообще отсутствуют. Следовательно, независимо от того, считаем ли мы переменные конца/начала движения для глаголов из (1) и (2) обязательными, мы должны в каком-то виде отразить их в толковании этих глаголов; в то же время необходимо сохранить информацию о «менее обязательном» характере этих переменных. Так, толкование *уйти* могло бы иметь приблизительно следующий вид: *X ушел из Y (в Z)* ≈ ‘X, перемещаясь, перестал находиться в Y (и, возможно, вследствие этого начал находиться в Z)’; подробнее о лексикографических проблемах описания глаголов движения см. Рахилина 1987.

Аналогичный феномен, по-видимому, представлен в группе глаголов, которые можно условно назвать глаголами «исполнительской деятельности» (*петь*, *танцевать*, *играть* (на сцене и т. п.), *декламировать*, *выступать* и мн. др.). Описание ситуаций, называемых этими глаголами, в принципе предполагает возможность (но не обязательность!) существования воспринимающего субъекта — «зрителя»; соответствующая именная группа обычно оформляется дательным падежом с предлогом *для*: ср. *пел для гостей*, *танцевала для принца и его свиты* и т. п. Переменная, обозначающая зрителя, должна быть включена в толкование подобных глаголов, однако с пометой о ее необязательности⁴.

6. Таким образом, оказывается, что переменные в толковании предикатной лексемы могут иметь различный статус; деление участников ситуации на обязательные и необязательные должно быть признано слишком грубым. Действительно, с одной стороны, можно указать имеющий достаточно строгие границы класс «собственно актантов» — это синтаксически обязательные участники ситуации, то есть те, обозначение которых обязательно в предложениях, содержащих соответствующую предикатную лексему. Однако то, что противопоставлено этому классу актантов *раг excellence*, не может быть, с нашей точки зрения, объединено никаким общим признаком. Не существует такого теоретического понятия, с помощью которого можно было бы описать все «не-актанты»: фактически, как было показано выше, о произвольном представителе данного класса участников ситуации нельзя априори сделать никакого положительного утверждения. В чем причина такого положения? Дело, по-видимому, в том, что в класс не-актантов входят

⁴ Может показаться, что в этих случаях речь идет об «обычных» семантически обязательных, но синтаксически факультативных валентностях (как, например, валентность инструмента при глаголе *рубить*). Однако это не так. Принципиальная разница между этими типами переменных состоит в том, что ситуация *рубить* ни при каких условиях невозможна без участия инструмента (ср. Апресян 1974: 62–63), тогда как, например, ситуация *петь* возможна как без участия, так и с участием «зрителя». Ср. в этой связи замечание Ю. Д. Апресяна о возможности выделения промежуточного класса «высоковероятных» (но не обязательных) валентностей (Апресян, 1974: 124–125).

участники ситуации, связанные с семантикой предикатной лексемы весьма различной степенью жесткости. Существуют участники ситуации (к ним, например, относятся сирконстанты с предлогом *ради*), степень связи которых с предикатной лексемой может считаться минимальной и в этом смысле именно они и являются наиболее близкими к традиционному представлению о сирконстантах. Но между подобными участниками и собственно актантами располагается целый ряд промежуточных случаев — синтаксически необязательные актанты, «высоковероятные» актанты, партиципанты с нетривиальной сферой действия и т. п. По-видимому, нецелесообразно проводить в этом множестве некоторую раз и навсегда установленную границу. С нашей точки зрения, лучшим решением было бы, наряду с (теоретическим) понятием актанта (= синтаксически обязательного участника ситуации) ввести понятие *переменной в толковании*, ориентированное на решение практических задач. Тем самым, вопрос о включении той или иной переменной в толкование должен в общем случае решаться независимо от ее «обязательности», а в связи с конкретными лексикографическими задачами. Как правило, с усложнением таких задач возрастает и количество лексикографической информации, подлежащей фиксации, и в число объектов словарного описания непременно попадают и необязательные участники ситуаций.

Заметим, что существует большое число задач, для решения которых, как это ни парадоксально, противопоставления актантов и сирконстантов вообще не требуется, то есть деление участников ситуации по степени обязательности в данном случае оказывается нерелевантным. К числу таких задач относится, например, описание целого ряда глагольных категорий (залог, контрастивность, актантное словообразование и т. п.) в некоторых языках Азии и Африки (впрочем, в менее ярком виде сходные явления засвидетельствованы и в других языках). Так, в индонезийских языках различаются следующие граммемы категории залога: актив, объектный пассив, адресатный пассив, инструментальный пассив (формально выражаясь с помощью аффиксов различного типа). Тем самым, в позицию подлежащего при одном виде пассива могут попадать только актанты (объектный пассив), а при других видах — как актанты, так и сирконстанты (инструментальный и — особенно — адресатный пассив). В целом же для описания залога в индонезийских языках различие между актантами и сирконстантами несущественно: существенна лишь семантическая роль соответствующего партиципанта. Ср. также пассив в японском языке, образуемый от двухместных глаголов обычным образом, а от одноместных глаголов типа 'умирать', 'болеть', 'идти (о дожде, снеге)' и др. — с перемещением в позицию подлежащего бенефактивного сирконстанта, ср.:

- (12) Otto=ga tsuma=ni yam=ag=egu
МУЖ, им. ЖЕНА, дат. БОЛЕТЬ, пасс., през.
'У мужа болеет жена'

(подробнее см., например, Холодович 1979: 131 и след.).

При работе над данной статьей мы пользовались советами и замечаниями И. М. Богуславского, М. М. Бурас и М. А. Кронгауза, которым выражаем искреннюю признательность.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1974. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- Богуславский И. М. 1988. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств. [В кн.:] *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности*. Школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы. Москва.
- Гловинская М. Я. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука.
- Лазурский А. В. 1988. Смещение дополнение при глаголах, управляющих названиями частей тела. [В кн.:] *Вопросы кибернетики*. Вып. 137: Формализация лингвистических описаний. Москва.
- Мельчук И. А. 1974. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»*. Москва: Наука.
- Падучева Е. В. 1986. Семантика вида и точка отсчета. *Известия АН СССР, сер. лит. и яз.*, т. 45. № 5.
- Паневова Я. 1978. Критерии для установления облигаторных партиципантов глагола. [В кн.:] *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука.
- Плунгян В. А. 1989. К определению результатаива. *Вопросы языкоznания*. № 6.
- Рахилина Е. В. 1982. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный). *Научно-техническая информация*. Серия 2. № 2.
- Рахилина Е. В. 1987. К формализации вопросо-ответного отношения (локативные вопросы к глаголам движения). *Научно-техническая информация*. Серия 2. № 2.
- Холодович А. А. 1979. *Проблемы грамматической теории*. Ленинград: Наука.